

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Б. Пиотровский „Кармир-блур, III“

Город Тейшебани, развалины которого сохранились на Кармир-блуре и в его окрестностях, являлся не только крупным хозяйственным, но и военно-административным центром на северной окраине Урартского государства. Раскопки этого города дают первоклассный материал для изучения культуры, хозяйства и истории одного из крупных рабовладельческих государств древнего Востока — Урарту. Значение раскопок Кармир-блур не ограничивается рамками истории Урарту. Они открывают новые страницы древней истории всего Востока, Кавказа, Малой Азии и других сопредельных районов.

Поэтому научные отчеты кармир-блурской археологической экспедиции, публикуемые Б. Б. Пиотровским отдельной серией, являются серьезным вкладом в науку.

Рецензируемая новая книга доктора исторических наук Б. Б. Пиотровского является продолжением и составной частью упомянутого научного отчета о раскопках Кармир-блур. В ней обобщены весьма интересные результаты археологических работ, проведенных экспедицией Института истории АН Армянской ССР и Гос. Эрмитажа в 1951—1953 гг.

Исследованию 14 помещений центральной части крепости Тейшебани посвящена первая глава работы („Раскопки цитадели“). Здесь описаны помещения хозяйственного назначения, довольно крупные по своим размерам винные погреба с большими сосудами, где до момента гибели крепости хранилось вино, сравнительно небольшие помещения — склады для использованных и неиспользованных еще продуктов гончарного ремесла: кувшинов, чаш, бокалов, светильников, курильниц, поступавших из разных мастерских этого крупного хозяйственного центра, удобные для хранения зерна, колодецеобразные склады (закрома) с остатками ячменя и пшеницы, а также помещения, где найдены самые разнообразные материалы: предметы труда и вооружения, высокохудожественные изделия урартского ремесла, иногда с важными клинописными текстами, вещи домашнего обихода, остатки алычи, винограда и других культур, скелеты животных и людей, иногда с обугленными частями мягких тканей и мозга.

Большое количество предметов, уточняющих наши представления о материальной культуре урартов, дали раскопки помещения № 36. Среди многочисленных комплексов железных, бронзовых, каменных, деревянных, серебряных, золотых вещей особенно интересны щиты с надписями царя Аргишти, сына Менуа, наконечники стрел с надписями Аргишти и Сардура, предметы конского убора, принадлежащие царю Менуа, гематитовая булава, дополнившая наши знания об урартском вооружении, обнаруженный впервые в истории Урарту замечательный бронзовый панцырь с парадным кафтаном, принадлежавший царю Аргишти I, любопытные подвески, амулеты и печати урартского, ассирийского и египетского происхождения, серебряный медальон с изображением мужского божества и многое другое.

Материалы, добытые раскопками 14 помещений, их исследование и публикация обогащают современные знания в области ремесла, военного дела, хозяйства и искусства Урарту и древнего Востока. Целый ряд уникальных находок органических остатков представляет большой интерес для ботаников, зоологов, биологов, химиков, керамистов и др.

За двенадцать истекших лет работ экспедиции на Кармир-блуре обнаружено огромное количество железных и бронзовых предметов вооружения, датированных очень часто клинообразными надписями урартских царей. Недаром цитадель города носила название *BiTU ugšḫusi e* — „Дом оружия“.

Описанию и анализу предметов вооружения посвящена вторая глава работы Б. Б. Пиотровского („Предметы урартского вооружения“). Здесь рассмотрены высокохудожественные и простые декоративные щиты, шлемы, колчаны, панцыри и конские уборы с царскими надписями, представляющими значительный интерес в смысле обогащения словарного фонда урартского языка. Одна из панцырных бронзовых пуговиц сохранила, например, клинописный текст, помещенный как на лицевой, так и на оборотной стороне предмета, в двух концентрических строках, вокруг центральной розетки. Текст этот гласит:

1) ^dHal—di-e e-ú-gi-e 2) i—ni kar-ka-ra-ni ^mAr-giš-ti-še NiG.BA, что в переводе означает „Богу Халди, владыке, этот панцырь Аргишти подарил“. На оборотной же стороне панцыря читается: *ša^mAr-gi-iš-lī* (царя) „Аргишти“. В приведенном тексте впервые выступает слово *kar-ka-ra-ni*, на основании чего Б. Б. Пиотровский вполне правильно устанавливает его значение как „панцырь“. Помимо того, расшифровка и трактовка этих надписей, данные Б. Б. Пиотровским в указанной главе, помогают четкой датировке как урартских, так и кавказских археологических комплексов. Изучение этих предметов и сопоставление их с многочисленными изображениями воинов на рельефах ассирийских дворцов (Ашурнасирпала, Саргона, Синахериба и Ашурбанипала) иллюстрируют и дополняют наши сведения об изобразительном искусстве Ассирии, расширяют наши знания по военному делу древнего Востока. На основе исследования многочисленных памятников материальной культуры древнего Востока автор приходит к выводу, что в VIII—VI вв. (до н. э.) урартское вооружение было весьма близким к ассирийскому, в то время как в IX в. оно изготовлялось по хеттскому образцу.

В указанной главе рассмотрены также другие предметы урартского вооружения, среди которых особенно интересны железные мечи с бронзовой рукояткой характерной формы. Они встречаются в могильниках восточной Армении, а также в Грузии и Азербайджане.

Изучение железных предметов урартского вооружения и параллелей его на территории Кавказа имеет важное значение в решении вопроса культурных взаимоотношений, а также происхождения некоторых видов скифского и закавказского вооружения.

К сожалению, в указанной главе рецензируемой работы охвачена лишь часть предметов вооружения. Между тем классификация всех имеющихся видов урартского оружия (разнообразных железных кинжалов, наконечников копий, дротиков, булав и др.) облегчила бы в значительной мере решение вышеозначенных вопросов. На основании подобной классификации можно было бы проследить разнообразные и сложные пути проникновения и освоения железа на определенном этапе развития раннежелезной индустрии в Закавказье.

В следующей главе рассмотрены бусы и мелкие украшения из камня, прозрачного и цветного стекла, фаянса и раковин, найденные в большом количестве в разных помещениях цитадели Тейшебаини. Большой интерес в этой главе представляет классификация сердоликовых бус. При классификации этих бус автор имел в виду не только формальные их особенности, но и фактуру камня, а также, главным образом, технику обработки. Сердоликовые и сардониковые бусы четко разделены на отдельные группы, соответствующие местам их изготовления. Особенно хорошо выделяются закавказские бусы, но рядом с ними имеются также привозные вещи, происходящие из восточного Ирана и Индии.

Помимо упомянутых, приведены пронизки и бусы из горного хрусталя и янтаря, мелкий бисер и подвески в виде капли, имеющие аналогии среди Закавказского материала, а также скифские рубчатые бусы, пронизки и скарабеоид египетского

типа, изготовленные в одном из центров Малой Азии или восточного Средиземноморья.

В последней главе описаны печати Кармир-блур урартского, вавилонского и ассирийского происхождения, цилиндрические, четырехгранные и тиревидные по форме, изготовленные из камня, глины и рога. Указанные печати дают хороший материал для изучения прокладного искусства, религии и культурных связей древнего Востока. Многие изображения на этих печатях отображают религиозные представления древних, связанные с земледелием, животноводством и охотой. На многих же других имеются изображения мифологического характера.

Книга снабжена 48 иллюстрациями и 16 сводными таблицами, выполненными художником А. Лейлояном и фотографом А. П. Булгаковым.

Умело подобранный иллюстративный материал дает полное представление о богатстве и разнообразии вещественных памятников, обнаруженных раскопками крепостных помещений. К сожалению, нашедшие место досадные типографские дефекты (низкое качество клише) значительно затрудняют восприятие изображенного предмета. Особенно дефективны иллюстрации высокохудожественных бронзовых щитов с надписями царей Аргишти I и Сардури II (стр. 28—29), фототаблицы №№ 1—3, а также изображение бронзового колчана, украшенного рисунком урартской колесницы (стр. 47).

Здесь же следует указать, что по недосмотру урартское слово *urisusi* ошибочно детерминировано несуществующим словом *ibici* вместо *biti*. В приложении книги даны интересные статьи, посвященные исследованиям древесных остатков и текстильных изделий из раскопок Кармир-блур.

В статье С. А. Туманян „Древесные остатки из раскопок Кармир-блур“ проанализированы остатки различных деревянных изделий, выполненных из древесины сосны, тополя, ильма, липы и ясеня. Автор отмечает, что все определяемые породы за исключением сосны, являются местными и могут быть встречены ныне по ущелью реки Раздан и других рек Араратской низменности. Балочное перекрытие крепости состояло из сосны и тополя, а настил поверх этого перекрытия делался из тополевых, дубовых и ясеневых веток и молодых стволиков. Необходимо отметить, что автору данного исследования следовало бы отказаться от определения процентного соотношения состава различных пород, употреблявшихся для деревянных конструкций города Тейшебаини. Подобную задачу можно было бы решить лишь при учете всего древесного материала на Кармир-блуре. В заметке В. А. Паланджян („урартские древки стрел“) установлено, что для изготовления древков урарты употребляли в основном ясень.

В работе А. С. Верховской („Текстильные изделия из раскопок Кармир-блур“) проанализированы различные ткани, изготовленные из шерстяного волокна. Среди этих изделий определены грубошерстные ткани, разноцветные ткани средней толщины, иногда с узором, тонкие прозрачные ткани, а также ряд плетеных изделий. Определена техника изготовления этих тканей. В обработке автора приведенный материал выглядит как достоверное свидетельство о развитии узорчатого ткачества и плетения, различных приемов украшения ткани и мастерства тонкого прядения, существовавших за несколько столетий до н. э. Это чрезвычайно интересная статья является как бы научной иллюстрацией ассирийского текста о разграблении Саргоном богатого Мусасирского храма, откуда в числе других драгоценных вещей было увезено огромное количество тончайших текстильных изделий, производство мастерских Урарту и других стран.

Все упомянутые статьи освещают важные стороны материальной культуры урартов, на которые до сих пор обращалось недостаточное внимание.

Таким образом, хотя автор рецензируемой книги задался целью исследовать только предметы вооружения, бусы, украшения и печати, приведенный богатый материал, однако, характеризует почти все стороны многогранной жизни урартского города Тейшебаини: земледелие и скотоводство, коневодство и охоту, гончарное,

ткацкое, деревообрабатывающее, кузнечное, металлообрабатывающее, ювелирное и др. ремесла, военное дело, прикладное искусство, торговые связи и межплеменной обмен, культурные связи и взаимоотношения.

За время после 1953 г. работами Кармир-блурской экспедиции добыты новые уникальные экспонаты, публикация которых стоит в порядке дня.

А. Мартиросян

Լ Ե Ա Յ Ո Ւ

ՀԱՆԴԻՍԱՎՈՐ ԵՐԵԿՈՒ ԵՎԻՐՎԱԾ ԹՈՒԾ ՌԵՎՈՅՈՒՑԻՈՆ ԳԵՄՈԿՐԱՏ Ն. Ա. ԴՈՐՐՈՅՈՒՐՈՎԻ ՄՆՆԴՅԱՆ 120-ԱՄՅԱԿԻՆ

1956 թվ. փետրվարի 4-ին Հայկական ՍՍՌ Գիտությունների ակադեմիայի Մ. Աբեղյանի անվան Գրականության Ինստիտուտում տեղի ունեցավ հանդիսավոր երեկո՝ նվիրված ուսուսուցչին մեծ ղեմակրատ Ն. Ա. Դորրոյուրովի ծննդյան 120-ամյակին: Երեկոն բացեց ընկ. Թ. Սարգսյանը, որից հետո կարգացվեցին հետևյալ զեկուցումները: Ն. Ա. Դորրոյուրովը ուսուսուցչին մեծ ղեմակրատ, զեկուցող՝ Ա. Բ. Կարինյան, Ն. Ա. Դորրոյուրովը և հայ գրական-հասարակական միտքը, զեկուցող՝ Գ. Ն. Հովսեփյան: